

А. А. Ржавитина*старший преподаватель, аспирант**Челябинский государственный
институт культуры,
Челябинск, Россия**E-mail: anutka__@mail.ru***КОТ КАК КУЛЬТУРНЫЙ КОД:
ВАРИАТИВНОСТЬ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ ОБРАЗА**

Осмысляется образ кота/кошки в различных аспектах воплощения. Анализируются художественно-образные репрезентации «кошачьей темы» в Европе и России; выявляется зависимость принципов изображения образа от мировоззренческой картины мира. Фиксируется смысловая и ассоциативная нагрузка образа кота в языковых и фольклорных традициях разных народов, отмечаются сходства и различия. Представлен процесс перехода фольклорного образа кота ученого в персонаж нового фольклора – кота-баюна. Показана ассоциативная вариативность образа кошки/кота как метафоры в искусстве. Отдельное внимание уделяется семантике образа в массовой культуре и литературе; рассматривается символичность образа кота в произведениях А. С. Пушкина, Э.-Т.-А. Гофмана, Э.-А. По, М. А. Булгакова. Делается вывод о вариативности трактовки и символической нагрузке образов кота и кошки как особого культурного кода.

Ключевые слова: *образ кота, художественные репрезентации, кот и кошка в фольклорной традиции, метафоры и символика, кот в массовой культуре*

Для цитирования: *Ржавитина, А. А. Кот как культурный код: вариативность репрезентаций образа / А. А. Ржавитина // Вестник культуры и искусств. – 2022. – № 3 (71). – С. 112–121.*

Введение

Образы животных сегодня обрели огромную популярность и встречаются в самых разнообразных культурно-художественных форматах – кинематографе, мультипликации, литературе, изобразительном искусстве в качестве средств коммуникации и выражения эмоций, брендов и логотипов известных корпораций, стимулируя их продвижение на рынке. Одним из самых распространенных животных образов уже несколько десятилетий является кошка/кот.

С развитием Интернета и началом сбора посредством него статистических данных выяснилось, что «котики» стали очень популярной темой почтовых рассылок. Закономерно, что газета The New York Times назвала изображения кошки «базовым строительным элементом Интернета»: они устойчиво присутствуют в новостных лентах социальных сетей, владельцы создают для своих питомцев персональные

странички, существуют отдельные кошачьи смайлики и специфические (именно для сетевой культуры) обозначения «котэ» и «няша», а также огромное количество сайтов, сделанных любителями кошек для любителей кошек и пр. В 2015 г. в Нью-Йорке открылась выставка «Как кошки захватили Интернет», посвященная истории кошек в интернет-пространстве. По статистике Google Trends, в интернет-запросах кошка уверенно лидировала до 2018 г., после чего уступила место собаке, и с тех пор кошка и собака попеременно занимают лидирующие позиции. При такой востребованности и изобилии кошачьих образов в современной культуре возникает актуальный вопрос обобщения и анализа существующего материала для понимания тенденций современной культуры и влияния зооморфных образов на ее функционирование. Кроме того, своего рода методической задачей в исследовании культуры может быть обозначено расширение исследовательских границ в

постижении социокультурных объектов анализа: «И пусть органичной установкой будущих культурологов станет не консервация знания и самих себя в теоретической “башне из слоновой кости”, но претензия (хотя бы на уровне исследовательских амбиций) на безграничность постижения социокультурной реальности с последующими попытками ее эффективного регулирования» [7, с. 185]. Руководствуясь данной установкой, «кот» как объект анализа и своеобразный «культурный код» в самых различных репрезентациях и будет рассмотрен в настоящей статье.

Художественно-образные репрезентации кошки/кота

Кошка, одно из самых распространенных домашних животных, была одомашнена человеком уже несколько тысячелетий назад, и во многих национальных культурах сложилось свое представление об этом животном. Зооморфные образы несут на себе печать представлений и ценностных ориентиров культуры на разных этапах ее развития, и образ кошки/кота сильно отличался в разные эпохи и у разных народов.

Самое древнее изображение домашней кошки находится в Египте и относится ко 2 тыс. до н. э. (роспись гробницы Небамуна, 1350 г. до н. э.). В Египте кошка считалась священным животным, за причинение смерти которому полагалась казнь. Благодаря египтянам через Древнюю Грецию кошка попадает в Европу. В средневековой Европе религиозный характер христианского искусства предписывал каждой детали иметь символическую и идейную нагрузку, и в христианской иконографии кошка становится символом лени, похоти, обмана, измены, вожделения, иногда с намеком на древнейшую профессию (Израэль фон Мекенем «Визит к прядильщице»). Художники Возрождения долго не отступали от канонических символов (Иероним Босх «Сад земных наслаждений»), но постепенно данный образ становится объектом наблюдений художников (Леонардо да Винчи, Дюрер) и проникает в живопись в качестве дополнения или аксессуара. К середине XVII в. кошка уже признается частью семьи (Луи Ленен «Счастливая семья»), появляется на

страницах романов и стихов, а ее изображение подчас служит метафорой материнства и уютного дома.

Об особом отношении к кошкам на Руси свидетельствует их упоминание в памятнике древнерусского права «Правосудие митрополиче», датированном XIV – XVI вв., где расписаны размеры штрафов за хищение животных: «...за кошку 3 гривны, за собаку 3 гривны, за кобылу 60 кунъ, за волъ 3 гривны, за корову 40 кунъ...за жеребца гривна...» [13, с. 128]. Получается, что кошка на Руси ценилась высоко, по стоимости приравнивалась к волу – очень важному в крестьянском хозяйстве животному.

Самым ранним изображением «русской» кошки в профессиональном художественном творчестве считается портрет кота «великого князя Московии» (1663) художника Вацлава Холлара; в народном – лубочные картинки «Кот казанский, ум астраханский, разум сибирский» и «Мыши кота погребают», вероятнее всего являющиеся заимствованными из европейских стран, но переработанные впоследствии со свойственной русскому народу образностью.

Также известно, что Петр I в «Регламенте о управлении Адмиралтейства» в 1724 г. повелел при магазинах определять специального человека, который будет держать кошек, чтобы они «ходили в амбары сквозь скважины, сделанные в дверях... дабы от мышей не было порчи». Еще известно, что мыши все-таки расплодились даже в Зимнем дворце до такой степени, что в 1745 г. императрица Елизавета Петровна издала «Указ о высылке ко двору котов»: «*сыскать в Казани здешних пород кладеных самых лучших и больших тридцать котов, удобных к ловлению мышей, прислать в С.-Петербургу ко Двору её Императорского Величества с таким человеком, который бы мог за ними ходить и кормить...*» Из этого можно сделать вывод, что кошка была в России животным достаточно редким и ценным, поскольку их не только держали при дворе, но и завозили специально для борьбы с грызунами. Именно в силу этой «экзотичности» были востребованы и портреты кошек или котов.

В середине XVIII в. анимализм как самостоятельный жанр начал покорение Европы (Джордж Стаббс, Утагава Куниеси), появля-

ются ботанические и зоологические рисунки, сделанные с натуры. В XIX в. живописцы уже не придерживались традиционной символики, изображая животное как дополнительное средство выражения эмоций, настроения или характера персонажей (Ренуар «Женщина с кошкой», Павел Федотов «Свежий кавалер»), но кошка по-прежнему может выступать и в качестве символа порочности (Эдуард Мане «Олимпия»).

В искусстве XX в. коты и кошки уже не просто участники жанровых сцен, а персонажи, часто наделяемые чертами человека, становящиеся символами или аллегориями (Марк Шагал «Париж из окна», Пабло Пикассо «Кошка с птицей»). А в XXI в. изображение кошек стало беспроблемным маркетинговым ходом, практически гарантирующим интерес аудитории.

Языковые, метафорические и фольклорные воплощения образа

Образ кошки/кота, как и иных животных, имеет смысловую, ассоциативную нагрузку, также отличающуюся в различных культурных традициях и фольклоре.

Энциклопедический словарь славянской мифологии дает следующую дефиницию: «Кошка, кот – домашнее животное, наделяемое в народных представлениях двойственной символикой и различными демоническими функциями и часто выступающее в паре с собакой. ...Поверья объясняют происхождение кошки как от дьявола, так и из рукавицы Божьей Матери. ...В облике черной кошки часто представляют нечистую силу. ...Кошке присущи черты домашнего покровителя» [5, с. 255–256].

Культурные особенности отношения к животному лучше всего прослеживаются при сравнении устойчивых форм языка. Язык, будучи важнейшим средством общения, содержит в себе информацию, способную рассказать о значимых событиях в истории народа, чертах его характера (реально существующих или приписываемых), гастрономических предпочтениях и многом другом. Фразеологизмы (устойчивые, эмоционально-образные средства выражения мысли) сохраняют и накапливают культурный опыт, отражают навыки наблюдения за животным и специфику отношения к этому животному.

Наверняка каждый из нас хоть раз использовал в своей речи следующие выражения: *кот заплакал; кот в мешке; драния кошка; кошка пробежала; кошки скребут; кошачий концерт; как кошка с собакой; тянуть кота за хвост; коту под хвост; не все коту масленица* [11]. Человек не придумывает фразеологизмы в диалоге, а извлекает их из языковой памяти для придания речи образности и выразительности, зачастую даже не осознавая, насколько живуч фольклор малого жанра, а ведь некоторые пословицы и поговорки, используемые нами, зафиксированы в печатных источниках более двухсот лет назад и несут то же значение, в каком мы их употребляем сегодня: *не всегда коту масленица, иногда и великий пост; знает кошка, чье мясо съела; кошке игрушки, а мышке слезки; кошка скребет себе на хребет* [9]; *носитя, как кошка с котятками; играет, как кот с мышкой; кошку девятая смерть донимает; мечется, как угорелая кошка; между ними черная кошка пробежала; живут, как собака с кошкой; на мышку, и кошка зверь; кошка морду хоронит, к морозу, либо к несчастью; он, как кошка, все на ноги падает* [6].

Фольклор малого жанра содержит в себе информацию о роли животного (кота/кошки) в культуре:

– отражает опыт наблюдения за животным, сложившийся в культуре в совокупность стереотипных представлений о свойствах, характеристиках или особенностях поведения животных: *кот заплакал; отчего кот гладок? поел, да и на бок; кошка в печурку – стужа на двор; собака обжора, а кошка сластена; лакома кошка до рыбки, да в воду лезть не хочется; кошка клубком – на мороз;*

– дает информацию о переносе стереотипных представлений о животном на образ человека, поиск аналогий с его поведением: *что поп, что кот – не поворча, не съест; дьяк у места, что кот у теста; два кота в одном мешке не улежатся; пакостлив, как кот, роблив (труслив), как заяц, блудлив, как кошка; лисой ухаживает, кошкой увивается;*

– свидетельствует о языческих представлениях, верованиях, существовавших когда-то ритуалах: *черная кошка пробежала к несчастью; черная собака, черная кошка и черный*

петух в доме спасают от грозы и от вора; при переходе в новый дом наперед пускают ночевать кошку и петуха; лошадь от кошки сохнет (почему и не берут с собою кошку в дорогу);

– олицетворяют и «социальный статус» среди других животных и в человеческом обществе: *и псу конурка, и коту печурка; без кота мышам масленица; кота убить – семь лет ни в чем удачи не видать; мужик да собака всегда на дворе, а баба да кошка завсегда в избе; без жены, что без кошки, а без мужа, что без собаки; знай, кошурка, свою печурку!*

Таким образом, в русском фольклоре малого жанра образ кошки как обобщенного представителя своего рода сочетает в себе положительные и отрицательные качества: живет в доме, охотится на мышей, создает уют в доме, часто ассоциируется с женщиной, любвеобильна, плодовита, любит полакомиться (рыбой, молоком, салом), живуча, своим поведением сигнализирует об изменениях погоды, может быть предвестником несчастья или воплощением нечистой силы (только черная), а также замечена в воровстве, жадности, хитрости и лени.

Неожиданные ассоциации образ кошки/кота приобретает на фоне преломления культур и религий и тогда становится как бы заместителем, символом. Например, отмечается что русская традиция приписывает кошке женскую сущность, и это хорошо прослеживается в русских фразеологизмах и поговорках: *без жены, что без кошки, а без мужа, что без собаки; грациозна как кошка, влюбилась как кошка, кошечка*. Поэтому у нас часто кошка ассоциируется с красивой грациозной женщиной. А вот в «Молоте ведьм» Г. Инститориса и Я. Шпренгера упоминается, что «изображение этого животного – постоянный символ неверных, тогда как символ доминиканцев (католический монашеский орден) – собака». Есть предположение, что негативное отношение средневековой христианской церкви к кошке обусловлено как раз противостоянием христианства и мусульманства. Сами же мусульмане к кошкам относятся хорошо, как к чистым животным, а пророк Мухаммед считается «отцом кошек». Вот отсюда и могла пойти ассоциация, что черная кошка связана с неверными, а значит и с нечистой силой.

Образ кошки/кота – это благодатная почва для создания метафор. Зооморфная метафора использует проекцию образа животного на предмет, явление или человека, его внешность, поведение, действия, личностные качества, душевное состояние («кошки на душе скребут») или человеческие отношения («живут как кошка с собакой»). Метафоры так прочно входят в национальный язык, что обойтись без них невозможно, они проникают даже в научный дискурс (например, для названия видов животных – «морской котик»). В разговорной речи чаще всего используются метафоры в виде клишированных фраз и словосочетаний, в то время как поэты и литераторы могут создавать новые метафоры. Метафора может присутствовать и в изобразительном искусстве, но в этом случае она приближается к символу, не выходит за рамки своего контекста, не порождает новых смыслов и нюансов.

Устойчивое русское выражение *Мыши кота погребают, недруга своего провожают* в нашей культуре не только трактуется как «притворная печаль», но и имеет свое вполне материальное, изобразительное воплощение в русском лубке. Лубочная картинка «Как мыши кота погребают» в обывательском представлении ассоциируется со смертью и похоронами Петра I, но датировка самых ранних из дошедших до нас гравюр, относящаяся к рубежу XVII – XVIII вв., это опровергает. Сюжет о коте, который притворился мертвым, чтобы съесть мышей, берет свое начало в баснях Эзопа («Кошка и мыши»), ставших весьма популярными в России еще при жизни Петра I и неоднократно переиздававшихся. Политической метафорой лубочная картинка становится в последующих редакциях конца XVIII – начала XIX в., высокопоставленное положение кота здесь подчеркивается тем, что провожают его «знатные» мыши – представители разных народов и разных мест Российской империи (мышь татарская, уральская, украинская и др.) [1, с. 64]. Существует не очень известное продолжение, переложение этого сюжета уже в начале XX в. (1904) – карикатура П. Н. Лепешинского, изображающая кота с головой В. И. Ленина, а мышей с головами Мартова, Троцкого, Дана и др.

Образ кота-баюна, впервые упомянутого в сборнике Афанасьева (в сказке «Поди туда – не знаю куда», отнесенной по указателю сюжетов фольклора к типу 465А «Красавица жена»), вероятно, появился как замещающий какой-то другой персонаж, имеющий кровожадные черты (возможно, птицы), поскольку иных упоминаний о чудовищном коте в народной традиции не зафиксировано.

Свое наименование кот-баюн скорее всего получил благодаря способностям рассказывать или усыплять или обеим вместе: Баян, баян, боян – ‘краснобай, байщик, рассказчик, знающий сказки, песни’; баю, бау, бай, баюшки – ‘припев для усыпления, укачивания ребенка’¹. К тому же в народной традиции считалось, что кот/кошка хорошо влияет на сон, поэтому животное часто встречается в детских колыбельных песнях. Вот как описывал кота-баюна А. Н. Афанасьев в «Поэтических воззрения славян на природу»: «...стоит золотой столб, на нем висит золотая клетка, и ходит по столбу кот-баюн: идет вниз – песни поет, подымается вверх – сказки сказывает... Голос кота-баюна раздаётся на несколько верст; сила его громадная: своих врагов он поражает насмерть или своими песнями напускает на них неодолимый сон» [2, с. 210].

Позже этот персонаж в сказках И. Семёнова получит собственное имя «Баюн» и будет иметь свои вариации, как, например, кот Василий из повести братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу»: «бродит около дуба то вправо, то влево», «диапазон знаний его был грандиозен», правда, тут он страдает склерозом. Но хищная сторона образа, описанная А. Н. Афанасьевым, не будет забыта: в сказке Э. Н. Успенского «Вниз по волшебной реке» кот Баюн, помощник Кощея, умеет усыплять и у него стальные когти.

Образ кота-баюна активно используется и сегодня в современной массовой культуре, но если обратиться к изданиям Российской академии наук – энциклопедии «Славянская мифология» или этнолингвистическому словарю «Славянские древности», то упоминаний об

этом персонаже мы там не найдем. При этом запрос в Интернете выдает около 295 000 результатов, в том числе ссылки на многочисленные интернет-энциклопедии, славянские бестиарии и сайты, посвященные животным. Интернет описывает кота Баюна следующим образом: «персонаж русских волшебных сказок, огромный кот-людоед, обладающий волшебным голосом», это подкрепляется кинематографом и анимацией; таким образом, образ пушкинского кота ученого в массовом сознании сливается с котом из колыбельных и котом-чудовищем и утверждается как фольклорный, наряду с Бабой-ягой и Кощеём.

Семантика образа в культуре и литературе разных народов

Некоторые семантические характеристики образа кота/кошки в фольклоре малого жанра разных народов могут совпадать, но есть и отличия, обусловленные разными культурными традициями и расхождениями в национальных картинах мира.

В китайских пословицах, как и в русских, отражается двойственный, позитивно-негативный образ кота/кошки, и при сравнении русских и китайских паремий с компонентом «кот/кошка» общими оказываются основанные на наблюдении характера и поведения этого животного и на проецировании данных качеств и поведения на человека: *Ленивой кошке мышей не поймать* (рус.) – *Кот, который носит перчатки, не ловит мышку* (кит.). *Без кота мышам раздолье* (рус.) – *Когда дома нет кота, мышка сидит на ногах* (кит.). К положительным качествам кошки/кота в китайских паремиях, в отличие от русских, также относятся долгожительство, хорошая память (*Собаки помнят три тысячи, кошки помнят восемьсот* – про расстойание) и умелость, трудолюбие (*Неважно, черный кот или белый, важно только то, что он умеет ловить мышей*), так как для китайцев очень важна идея усердного труда, работы на своем месте; к отрицательным – лицемерие (*Пятнистый кот умеет говорить на ловком языке*).

В русских паремиях полностью отсутствуют упоминания о тигре, что объясняется различиями в географическом местоположении, для

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <https://gufo.me/dict/dal>.

китайских этот образ типичен (*Кошка носит шкуру тигра* – обозначение ситуации, в которой слабый, притворяясь сильным, стремится завоевать славу и успех). Полностью, естественно, в китайских поговорках отсутствуют упоминания о славянском празднике Масленице (*Не все коту масленица, будет и великий пост*) [14].

Л. Г. Бойко, исследуя зооморфный код культуры в семантике устойчивых сравнений, считает, что расшифровка такого кода позволит выявить стереотипы языкового сознания и ценностные приоритеты. Она сравнивает устойчивые сравнения с участием образа кошки/кота в русском и французском языках и приходит к выводу, что устойчивые сравнения «...как культурно нагруженные языковые знаки характером базовых образов и своим содержанием в целом транслируют специфику мироощущения русского народа, особенности его восприятия...», и что «повадки, особенности поведения животного становятся основой для возникновения ассоциаций, образной идентификации человека и кота» (*усы как у кота, как кошка живучий, как драная кошка*) [3].

В сказках персонаж кошка/кот чаще всего амбивалентен, не однозначен, как правило, выступает в качестве помощника, практически всегда свободолюбив и, несмотря на схожесть сюжетов в сказках разных народов (например, русская сказка «Волшебное кольцо», украинская «Про кошку и собаку», болгарская «Мальчик, щенок, котенок и лягушонок»), имеет свои отличия, обусловленные «национальной принадлежностью» этого животного.

В русских сказках в основном встречается кот, его образ больше положительный, чем отрицательный, и часто, согласно народной традиции именовать «по батюшке», у него есть имя и отчество (Котай Иванович, Котофей Иванович, Котонайло Иванович). По характеру кот из русских сказок – хитрый, ловкий, умный. Для сравнения: в арабских сказках встречается не кот, а кошка, глупая и быстро впадающая в ярость [15, с. 88]. А всемирно известный сюжет сказки «Кот в сапогах» имеет свои варианты в русских народных сказках, например, «Бухтан Бухтанович» и «Козьма Скоробогатый» из сборника А. Н. Афанасьева, где главный герой – лиса.

Кроме этого, ученые-лингвисты считают, что русское слово *кошка* и английское *cat* различаются по статусу: «В русской культуре кошке отводится роль хитрого и вороватого животного, а английская “cat” – это существо отважное, способное постоять за себя» [15, с. 67]. Кот в сапогах у Ш. Перро – символ удачи, основанной на авантюризме.

Полностью негативного образа кошки/кота в русской традиции не наблюдается, скорее наоборот, и возможно это связано с тем, что животное долгое время было редким, также допустимо влияние близости мусульманских стран, где к кошкам относились хорошо всегда. Тем не менее образ амбивалентен: кошка может быть предвестником несчастья или воплощением нечистой силы (касается кошек только черного окраса), и в то же время символизировать уют, а в сказках действовать как хитрый, ловкий, умный, но все-таки неотрицательный герой.

В русской литературе персонаж кошка/кот будет использоваться часто и просто для обозначения эмоционального настроения произведения, и в качестве главного героя, по воле автора, как и надлежит коту-оборотню, оборачиваясь к читателю то одной стороной своего двойственного образа, то другой. В произведениях Н. В. Гоголя «Вечер накануне Ивана Купала» и «Майская ночь, или Утопленница» кошка воплощает в себе только мистическую сторону традиционного восприятия образа (черная кошка – приспешник нечистых сил, оборотень, помощник ведьмы): «...страшная черная кошка крадется к ней; шерсть на ней горит, и железные когти стучат...».

У А. С. Пушкина образ кота совершенно другой – кот ученый, кот, рассказывающий сказки. Кот ученый у поэта – воплощение народной мудрости. Российский культуролог И. В. Кондаков считает, что поэтическая семантика образа кота в русской культуре задана именно Пушкиным, в статье «“Кот ученый” в русской и мировой культуре» он подчеркивает, что кот из «Руслана и Людмилы» показан как «средоточие народной мудрости, хранитель песен и сказок, носитель русской фольклорной традиции» и «является средоточием сакрального знания» [8, с. 127–128]: «У моря видел дуб зеленый; / Под ним сидел, и кот ученый / Свои

мне сказки говорил. / Одну я помню: сказку эту / Поведаю теперь я свету...»

Нельзя в связи с этим не упомянуть замечательно выразительный образ кота, созданный Осипом Мандельштамом («Оттого все неудачи...»), он отсылает нас в царство Кошечья, в русскую сказку и к пушкинскому «Там царь Кащей над золотом чахнет; / Там русский дух... там Русью пахнет!»: *«Оттого все неудачи, / Что я вижу пред собой / Ростовицкий глаз кошачий – / Внук он зелени стоячей / И купец воды морской. / Там, где огненными щами / Угощается Кащей, / С говорящими камнями / Он на счастье ждет гостей – / Камни трогают клещами, / Щиплет золото гвоздей».*

У Пушкина в поэме «Граф Нулин» промотавший свои «доходы» ловелас с помощью очень выразительной метафоры любовного заигрывания описывается как кот, охотящийся за мышью: *«Так иногда лукавый кот, / Жеманный баловень служанки, / За мышью крадется с лежанки: / Украдкой, медленно идет, / Полузажмурясь подступает, / Свернется в ком, хвостом играет, / Разинет когти хитрых лап / И вдруг бедняжку цап-царап».*

У Сергея Есенина встречаем сопоставление природных явлений с кошкой: *«В тихий час, когда заря на крыше, / Как котенок, моет лапкой рот...»* или *«А солнышко, словно кошка, / Тянет клубок к себе».*

В поэзии О. Э. Мандельштама сравнение Петербурга с кошкой опирается на знаменитые мосты: *«Дикой кошкой горбится столица, / На мосту патруль стоит, / Только злой мотор во мгле промчится / И кукушкой прокричит...»;* образ речи, визуально воплощенный в иконическом знаке дикой кошки: *«Дикая кошка – армянская речь / Мучит меня и царапает ухо»* [10].

Также образы кошек находим в стихотворении П. Н. Васильева «Палисад»: *«Резвый ветер маленьким котёнком / У ворот в траве попрыгать рад»;* у Михаила Кузмина: *«Слышу твой кошачий шаг, призрак измены!»*

В русской художественной литературе вообще более распространен (возможно, в продолжение традиций русской сказки) именно образ кота, он всегда более индивидуализирован, чем образ кошки, часто имеет имя собственное и развернутую характеристику. Образ кошки/

кота в художественной литературе представлен весьма разнообразно и, преломляясь через призму авторского восприятия, конкретную социокультурную среду, может служить транслятором абсолютно разных смыслов, идей, философских взглядов.

Сюжет романа Э.-Т.-А. Гофмана «Житейские воззрения кота Мурра» обычно трактуют как неизбежность столкновения романтических идеалов с житейским здравым смыслом, гения и пошлости, а кот как раз и олицетворяет идеалы «сытости» и «лени» [8, с. 127].

В рассказе Эдгара Аллана По «Черный кот» кот воплощает неотвратимый ужас возмездия, который постепенно овладевает преступником. Неслучайно автор называет кота Плутоном, в честь римского бога подземного царства, в образе этого черного одноглазого кота с белым пятном, которое было похоже на виселицу, просматривается дьявол, вернувшийся с того света, чтобы забрать душу главного героя в ад.

Для создания художественного образа кота Бегемота крайне важным оказывается его имя, оно и отражает внешнюю описательную характеристику этого персонажа, и намекает на библейское наименование неизвестного зверя. Образ кота Бегемота в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» многослоен, насыщен аллюзиями. Черный цвет напоминает читателю о том, что черный кот – дурная примета, а имя Бегемот рисует в воображении неуклюжего человека и одновременно, в контексте романа, вызывает ассоциации с библейским чудовищем – огромным, сильным зверем. Образ кота противоречив: это и толстый кот-оборотень, и «худенький юноша», шут и демон, он злодей, но злодей обаятельный, он «часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо».

Кот из романа Нацумэ Сосэки «Ваш покорный слуга кот» – японский вариант кота ученого, воспитанный и грамотный, напившись, тонет в чане с водой, воплощая собой высшую точку порочности общества.

Заключение

Итак, образ кошки/кота как стереотипное представление о животном в каждой национальной культуре имеет сходства и различия, отраженные в языке, фольклоре, искусстве.

Под действием новых актуальных веяний образ кошки/кота способен изменяться, не теряя при этом своей связи с народной традицией. Эта связь между историческим (фольклорным) и современным социокультурным контекстом репрезентации образа, на наш взгляд, обуславливает следующие тенденции:

1. Прежде всего, несмотря на актуализацию контекста, сохраняется устойчивое воспроизведение двух своеобразных архетипов – узнаваемых образов кота ученого и кота-баюна. Например, в очень популярном отечественном (пока четырехсерийном) мультфильме студии «Мельница» «Иван царевич и Серый волк» образ кота напрямую отправляет нас к коту ученому А. С. Пушкина: «налево или направо?.. сказку или песню?», но также отражает и современные социокультурные реалии: «гадаю по руке, верну любимую, отворот/приворот по фотографии, тамада на свадьбах, юбилеях, корпоративных вечеринках». Этот всесторонне развитый кот не только ходячая энциклопедия, он еще умеет играть на фортепиано и петь (конечно же, песню на стихи Михаила Танича «Черный кот»!), тем не менее не всегда способен преодолеть животные инстинкты, особенно если дело касается ловли мышей. Менее популярен, но все же присутствует, чаще в рамках интернет-пространства, образ кота Баюна – кота-людоеда, отсылающего к коту-баюну А. Н. Афанасьева. Популярность такого образа именно на просторах Интернета, вероятно, объясняется преобладанием пользователей в возрасте 12–25 лет с их социально-психологическими особенностями и интересами.

2. Еще одна воспроизводимая тенденция – это мифологизация образа через обращение именно к черному коту: здесь цвет, как нам представляется, обеспечивает отсылку к символично-мифологическим культурным пластам – приметы и суеверия, мистификация, универсальные интерпретации черного как глубинного, устрашающего (тьма, мрак).

3. Кроме того, универсальность образа кота/кошки связывается и с широким набором средств его подачи в разных сферах художественной культуры: вербальные (литературная традиция) и визуальные (живопись, интернет-мемы, кино и анимация) средства выразительности.

Вместе с тем образ этого животного в культуре настолько неоднозначен и выразителен, что становится постоянным источником создания новых метафор и символов и может транслировать самые разнообразные взгляды и идеи. По нашему мнению, такой образ, несмотря на выраженный анималистический контекст, именно «очеловечивает» современное визуальное пространство, препятствуя его дегуманизации и тиражированной цифровизации, обеспечивает «насыщенность» визуальной художественной культуры [4], снимает противоречия между искусством и жизнью [12] и работает на продвижение оригинального социокультурного контента.

1. Алексеева, М. А. Гравюра на дереве «Мыши кота на погост волокут» – памятник русского народного творчества конца XVII – начала XVIII в. / М. А. Алексеева // Русская литература XVIII – начала XIX века в общественно-культурном контексте. – Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1983. – С. 45–79.
2. Афанасьев, А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов : в 3 т. Т. 1 / А. Н. Афанасьев. – Москва : Современный писатель, 1995. – 257 с.
3. Бойко, Л. Г. Зооморфный код культуры в семантике устойчивых сравнений / Л. Г. Бойко // Известия ВГПУ. – 2008. – № 5. – С. 94–97.
4. Воронцова, С. И. Проблема «насыщенности» художественного образа в современной живописи / С. И. Воронцова // Вестник культуры и искусств. – 2021. – № 3 (67). – С. 115–123.
5. Гура, А. В. Кошка / А. В. Гура // Славянские древности : этнолингвист. словарь / под ред. Н. И. Толстого. – Москва, 1999. – Т. 2. – С. 637–640.
6. Даль, В. И. Пословицы русского народа: сборник пословиц, поговорок, речений и проч. / В. И. Даль. – Москва : Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1862. – 1095 с.
7. Зубанова, Л. Б. Безграничная культурология: к проблеме конвертации и ин-

- теграции методологических подходов / Л. Б. Зубанова // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2015. – № 3 (43). – С. 179–187.
8. Кондаков, И. В. «Кот ученый» в русской и мировой культуре / И. В. Кондаков // Международный журнал исследований культуры. – 2015. – № 4 (17). – С. 125–136.
 9. Курганов, Н. Г. Письмовник, содержащий в себе науку российского языка со многим присовокуплением разного учебного и полезноразвлекательного вещесловия / Н. Г. Курганов. – Санкт-Петербург : печатано в типографии Ив. Глазунова, 1818. – 312 с.
 10. Леонтьева, А. Ю. Бестиарный аспект поэтической фелинистики О. Э. Мандельштама / А. Ю. Леонтьева // Инновационное развитие: потенциал науки, бизнеса, образования. – Пенза, 2021. – С. 170–184.
 11. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – Москва : Олма медиа групп, 2007. – 784 с.
 12. Серяков, А. В. Проблема художественного образа в современном искусстве / А. В. Серяков // Вестник культуры и искусств. – 2022. – № 1 (69). – С. 71–76.
 13. Тихомиров, М. Н. Пособие для изучения Русской Правды / М. Н. Тихомиров. – Москва : Изд-во Московского ун-та, 1953. – 192 с.
 14. Токина, А. И. Образ кота в русских поговорах (на фоне китайского языка) / А. И. Токина, И. Ю. Усенко, Цзяхуэй Янь // Проблемы преподавания филологических дисциплин в новых образовательных условиях : материалы докладов и сообщений XXVI междунар. науч.-метод. конф. памяти Надежды Тихоновны Свидинской. – Санкт-Петербург, 2021. – С. 237–242.
 15. Утюпина, О. В. Зверь, который гуляет сам по себе: кошка в культуре народов мира : рукопись / О. В. Утюпина. – Омск, 2010. – 119 с. – URL: <http://ethnography.omsu.ru/res/page000000001314/Files/Кошка%20в%20культуре%20народов%20мира.pdf> (дата обращения: 12.07.2022).

Получено 15.07.2022

Anna A. Rzhavitina

Senior Lecturer,
Post-graduate student

Chelyabinsk State Institute
of Culture and Arts,
Chelyabinsk, Russia

E-mail: anutka__@mail.ru

Cat as a Cultural Code: Variability of Image Representations

Abstract. The article is devoted to understanding the image of a male cat / a female cat in various embodiment aspects. The author analyzes the artistic and imaginative representations of the "cat theme" in Europe and Russia; the article reveals the dependence of image principles on the outlook picture of the world. The article represents semantic and associative load of the cat image in the linguistic and folklore traditions of different peoples, reveals their similarities and differences. The author presents the transformation process of the folklore image of the cat-scientist into the character of new folklore, Bayun-Cat. He also shows associative variability of the male cat / female cat image as a metaphor in art. Special attention is paid to the semantics of the image in mass culture and literature. The article also considers the symbolism of the cat image in the works by A. S. Pushkin, E. T. A. Hoffmann, E. A. Poe, M. A. Bulgakov. The article draws a conclusion about the variability of interpretations and symbolic load of male cat and female cat images as a special cultural code.

Keywords: cat image, artistic representations, male cat and female cat in folklore tradition, metaphors and symbolism, cat in mass culture

For citing: Rzhavitina A. A. 2022. Cat as a Cultural Code: Variability of Image Representations. *Culture and Arts Herald*. No 3 (71): 112–121.

References

1. Alekseeva M. 1983. The woodcut “Mice are dragging the cat to the churchyard” is a monument of Russian folk art of the late 17th – early 18th centuries. *Russkaya literatura XVIII – nachala XIX veka v obshchestvenno-kul'turnom kontekste [Russian Literature of the 18th – Early 19th Centuries in the Socio-Cultural Context]*. Leningrad: Nauka. P. 45–79. (In Russ.).
2. Afanasev A. 1995. Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu. Opyt sravnitel'nogo izucheniya slavyanskikh predaniy i verovaniy v svyazi s mificheskimi skazaniyami drugih rodstvennykh narodov [Poetic views of the Slavs on nature]. In 3 vol. Vol. 1. Moscow: Sovremennyy pisatel'. 257 p. (In Russ.).
3. Boiko L. 2008. The zoomorphic code of culture in the semantics of sustainable comparisons. *Izvestiya VGPU [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University]*. No 5: 94–97. (In Russ.).
4. Vorontsova S. 2021. The Problem of Image Saturation in Contemporary Painting. *Culture and Arts Herald*. No 3 (67): 115–123. (In Russ.).
5. Gura A. 1999. Cat. *Slavyanskie drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar' [Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary]*. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow. Vol. 2. P. 637–640. (In Russ.).
6. Dal V. 1862. Poslovitsy russkogo naroda [Proverbs of the Russian people]. Moscow: Imp. O-vo istorii i drevnostey ros. pri Mosk. un-te. P. 1095. (In Russ.).
7. Zubanova L. 2015. Unlimited Culturology: Toward the Problem of Conversion and Integration of Methodological Approaches]. *Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*. No 3 (43): 179–187. (In Russ.).
8. Kondakov I. 2015. “Scientist cat” in Russian and world culture. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury [International Journal of Cultural Studies]*. No 4 (17): 125–136. (In Russ.).
9. Kurganov N. 1818. Pis'movnik, sodержashchiy v sebe nauku rossiyskogo yazyka so mnogim prisovokupleniem raznogo uchebnogo i poleznozabavnogo veshchesloviya [A letter book containing the science of the Russian language with many additions of various educational and usefully amusing verbiage]. St. Petersburg: pechatano v tipografii Iv. Glazunova. 312 p. (In Russ.).
10. Leonteva A. 2021. Bestiary Aspect of the Poetic Felinistics of O. E. Mandelstam. *Innovatsionnoe razvitie: potentsial nauki, biznesa, obrazovaniya [Innovative development: the potential of science, business, education]*. Penza. P. 170–184. (In Russ.).
11. Mokienko V., Nikitina T. 2007. Bol'shoy slovar' russkikh pogovorok [Big dictionary of Russian sayings]. Moscow: Olma media grupp. 784 p. (In Russ.).
12. Seryakov A. 2022. The Problem of the Artistic Image in Contemporary Art. *Culture and Arts Herald*. No 1 (69): P. 71–76. (In Russ.).
13. Tikhomirov M. 1953. Posobie dlya izucheniya Russkoy Pravdy [A manual for the study of Russian Truth]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo un-ta. 192p. (In Russ.).
14. Tokina A., Usenko I., YAn' Czyahuej. 2021. The image of a cat in Russian and Chinese proverbs. *Problemy prepodavaniya filologicheskikh distsiplin v novykh obrazovatel'nykh usloviyakh [Problems of teaching philological disciplines in new educational conditions]*. St. Petersburg. P. 237–242. (In Russ.).
15. Utiupina, O. 2010. Zver', kotoryy gulyaet sam po sebe: koshka v kul'ture narodov mira: rukopis' [An animal that walks by itself: a cat in the culture of the peoples of the world: a manuscript]. Omsk. 119 p. (In Russ.).

Received 15.07.2022